

7. Dyshev A. *Aromat skunsa* [Aroma of skunk]. Moscow, Jeksmo publ., 2005, 307 p.
8. Dyshev A. *Ogon', voda i brillianty* [Fire, water and diamonds]. Moscow, Jeksmo publ., 2006, 319 p.
9. Klimova M. *Golubaja krov'* [Blue blood]. Moscow, Mitin zhurnal publ., 1999, 274 p.
10. Kovtunenko I. V. Postevaja E. V. *Pragmaticheskie aspekty issledovanija nevezhlivogo i jumoristicheskogo dialogicheskogo teksta* [Pragmatic aspects of the study impolite and humorous dialogue text]. Rostov-on-Don, Aka-demLit publ., 2017, 82 p.
11. Ortoni A. Klour Dzh., Kollinz A. *Kognitivnaja struktura jemocij* [Cognitive structure of emotions]. *Jazyk i intellect* [Language and intelligence]. Moscow, Progress publ., 1996, pp. 314–368.
12. Ostin Dzh. L. *Slovo kak dejstvie* [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress publ., 1986, pp. 22–129. (Vyp. 17: *Teorija rechevyh aktov* [Issue 17: The theory of speech acts]).
13. Rogozhkin A. *Kukushka* [Cuckoo]. Moscow, Drofa publ., 2003, 576 p.
14. Serl' Dzh. R. *Klassifikacija illokutivnyh aktov* [The classification of illocutionary acts]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in foreign linguistics]. Moscow, Progress publ., 1986, pp. 170–194. (Vyp. 17: *Teorija rechevyh aktov* [Issue 17: The theory of speech acts]).

ДОМИНАНТНЫЕ ЗОНЫ НЕОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО ЯЗЫКА

Касьянова Людмила Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: kaslyudmila@yandex.ru.

В статье описывается неологическое пространство русского языка и его доминантные зоны, сформированные под воздействием интра- и экстралингвистических факторов. Лексическое наполнение доминантных зон неологического пространства происходит под влиянием важнейших стимулов, связанных с когнитивно-коммуникативными потребностями социума, а также с особенностями внутреннего устройства языка, отражает результаты познания человеком окружающего мира.

Ключевые слова: неологическое пространство, доминантные зоны, неологизация, неониминация

DOMINANT ZONES OF NEOLOGICAL SPACE OF RUSSIAN LANGUAGE

Kasyanova, Lyudmila Yu., Doctor of Philological Sciences, Professor. Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: kaslyudmila@yandex.ru.

The article describes the neological space of the Russian language and its dominant zones, formed under the influence of intralinguistic and extralinguistic factors. The lexical filling of the dominant zones of the neological space occurs under the influence of the most important stimuli associated with the cognitive-communicative needs of the society, as well as with the peculiarities of the internal structure of the language, reflecting the results of man's cognition of the surrounding world.

Keywords: neological space, dominant zones, neologization, neonomination

Динамический характер языковой системы определяет расширение границ неологического пространства русского языка, характеризующегося наличием ряда доминантных зон, сформированных под воздействием интра- и экстралингвистических факторов. Как все неологическое пространство в целом, так и его ведущие зоны получают мощные импульсы изменений, непрерывно исходящие и от культурно-дискурсивного окружения, и от преобразующегося социума. Для адекватного отображения, воспроизведения и закрепления новых идей и понятий язык вообще и лексика в частности вынуждены перестраиваться, пополняться новыми элементами. Их появление детерминировано предпосылками номинативно-коммуникативного, когнитивного, антропоцентрического характера [2, с. 352].

Стратегия научного поиска в рамках исследуемого неологического пространства определяет наше обращение, прежде всего, к установлению специфики формирования его доминантных зон, их границ и объема лексического наполнения за счет инновационного знакообозначения.

Неономинации – релевантные единицы доминантных зон неологического пространства языка – являются средством наименования результатов познания человеком действительности, отражая «языковой вкус эпохи» [1]. Постоянно возрастающий поток неономинаций, обозначающих реалии кардинально изменяющегося мира, способствует значительному расширению неологического пространства русского языка. Неономинации активно функционируют в различных сферах социума, представляя в сознании носителей языка новые или обновлённые концепты, фиксируют трансформирующуюся интерпретацию действительности и служат механизмом обновления языковой картины мира.

Являясь оперативно порождаемым продуктом когнитивно-дискурсивного освоения и интерпретации действительности, неономинации в тематическом отношении весьма разнообразны и с различной степенью интенсивности, обусловленной динамикой и векторами развития социума, пополняют его ведущие сферы:

- политическую (*веб-выборы, КОИБ (комплекс обработки избирательных бюллетеней), КЭГ (комплекс электронного голосования), политеймент, праймериз, тандемизация, тандемократия, экзит-пул*),
- экономическую (*бенчмаркинг, веб-экономика, инвестклимат, кластеризация, коворкинг-центр, кобрендинг, фирма-хаб*),
- социальную (*автомобиль-трансформер, дуплекс, мультиплекс, кардиоке, сити-менеджер, спиннер, таунхаус, экодод, флеш-моб, хайп*),
- сферу информационных технологий и интернет-коммуникаций (*вебинар, инстаграмер, инфомат, ИТ-продукция, нетбук, букридер, сетература, соцсеть, цифровизация, 3D-печать, 3D-принтер и др.*).

Лексическое наполнение доминантных зон неологического пространства языка происходит под влиянием важнейших стимулов, связанных с когнитивно-коммуникативными потребностями социума, а также с особенностями внутреннего устройства языка, отражает результаты познания человеком окружающего мира.

Закрепление неономинаций за отдельными сегментами в рамках единого неологического пространства носит в известной степени условный характер, поскольку в современной социокультурной среде зачастую трудно установить границы между отдельными зонами вследствие того, что одна лексическая единица может входить в две и более тематические группы. Это, с одной стороны, обусловлено непосредственной близостью ряда сфер общественной жизни, с другой же – служит подтверждением незамкнутости и проницаемости внутренних границ лексико-семантической подсистемы языка.

В связи с вышеизложенным несомненный интерес представляет исследование процесса взаимопересечения доминантных зон неологического про-

странства, вследствие чего приобретают релевантность единицы типа *цифровая экономика* и др. Действительно, к какой сфере более тяготеет приведенная аналитическая неониминация: экономической или интенсивно развивающейся цифровой? Постановка вопроса в таком ключе основывается на определении доктора экономических наук, члена-корреспондента РАН В. Иванова: «Цифровая экономика – это виртуальная среда, дополняющая нашу реальность» (РИА Новости, 2017, 16 июня).

Обратимся к анализу неониминации и примерам ее функционирования.

Термин *цифровая экономика* ввел в употребление в 1995 г. американский информатик Н. Негропonte. В настоящее время термин вошел в обиход политиков, предпринимателей, журналистов. Например: «Без **цифровой экономики** у страны нет будущего» (РИА Новости, 2017, 16 июня); «...министр связи Николай Никифоров заявляет, что Путин – главный драйвер **цифровой экономики**» (Ведомости, 2017, 22 октября). Однако до настоящего времени содержание этого понятия остается размытым, четкое определение отсутствует. Для осмысления сути неониминации целесообразно обратиться к определению обычной экономики, которая понимается как «хозяйственная деятельность общества, а также совокупность отношений, складывающихся в системе производства, распределения, обмена и потребления». Отметим, что использование компьютера, интернета, мобильных телефонов уже можно считать «потреблением», в таком случае цифровую экономику можно представить как ту часть экономических отношений, которая опосредуется Интернетом, сотовой связью, информационно-коммуникационными технологиями.

В научном сообществе существует два подхода к осмыслению термина *цифровая экономика*. Согласно первому подходу, цифровая экономика – это экономика, основанная на цифровых технологиях, при этом правильнее характеризовать ее исключительно как область электронных товаров и услуг. В качестве соотносимых примеров выступают телемедицина, дистанционное обучение, продажа медиконтента. Второй подход более широкий: *цифровая экономика* – это экономическое производство с использованием цифровых технологий; это экономика, основанная на новых методах генерирования, обработки, хранения, передачи данных, а также цифровых компьютерных технологиях. Таким образом, сопоставление термина *экономика* и терминосочетания *цифровая экономика* позволяет предположить, что аналитическая неониминация может быть неотъемлемой частью обеих доминантных зон неологического пространства (экономической и цифровой), будучи соотносимой по ряду параметров со спецификой входящих в их состав лексических единиц.

Обратимся к другим примерам, иллюстрирующим отмеченную тенденцию.

Анализ неониминаций доминантной зоны политики позволил заметить, что наряду с аналитической неониминацией *цифровая дипломатия* появились и другие наименования смежных явлений: *дипломатия социальных сетей* (от англ. social media diplomacy), *интернет-дипломатия* (от англ. Internet diplomacy), *киберпарадипломатия* (от англ. cyberparadiplomacy), *онлайн-дипломатия* (от англ. online diplomacy), *публичная дипломатия Веб 2.0.* (от англ. public diplomacy Web 2.0.), *твит-дипломатия* (от англ. twit diplomacy), *твиттер-дипломатия* (от англ. Twitter diplomacy), *твипломатия* (от англ. twiplomacy), *электронная дипломатия* (от англ. eDiplomacy) [3, с. 280]. Данные примеры свидетельствуют о процессе взаимопересечения доминантных зон неологического пространства (в данном случае политической и цифровой).

Анализ материала, зафиксированного в современных медиаисточниках, позволяет заключить, что происходит постепенное перераспределение ведущей роли той или иной зоны и вследствие этого занимаемой позиции в неологическом пространстве русского языка. Безусловно, ведущей остается сфера политики, определяющая все важнейшие процессы в обществе (эко-

номические, социальные и др.). Однако по количественным параметрам эта сфера уступает другим. Ведущие позиции во втором десятилетии XXI в. устойчиво занимает сфера цифровых технологий. По утверждению Г. Грефа, «в 2015 году закончилась эра информационных технологий и началась эра цифровых технологий» (Время, 2017, 30 октября). Действительно, цифровизация охватывает все новые пространства: «На повестке дня – *цифровизация* всей электроэнергетики страны» (Время, 2017, 8 октября). Оказывая влияние практически на все сферы, *цифровизация* несет перемены в образование, здравоохранение, транспорт, сферу услуг, меняет рынки труда, производства и потребления. Становятся привычными словосочетания *умный город, подключенная медицина, подключенный автотранспорт*. Речь уже ведется о едином цифровом пространстве. В этом пространстве происходит активный процесс оцифровки экономики – документооборота, всех банковских операций, внедрение новых платёжных систем и *цифровых денег* в том числе. Чрезвычайно высокую частотность приобрели неоломинации *блок-чейн, биткойн, криптовалюда, криптоденьги*. Обращает на себя внимание тот факт, что в настоящее время создается открытый ряд однотипных по структуре образований с элементом *крипто-*. Появление таких неоломинаций приобретает серийный характер: *криптовалюта, криптобиржа, криптоэксперт* и др. Возникновение одноструктурной серии соответствует лавинообразному проявлению словообразовательной неологизации. Увеличивающаяся частотность употребления таких неоломинаций в масс-медиа способствует их укоренению в неологическом пространстве языка: «Совсем недавно в Интернете зародился революционно новый вид денег под названием **криптовалюта**»; «Криптовалюта – это цифровые деньги, функционирующие только в виртуальном пространстве»; «ЦБ начал работу над созданием национальной криптовалюты» (РИА Новости, 2017, 16 июня). Таким образом, цифровизация жизненного пространства стала своеобразным мегатрендом современности.

Все многообразие зафиксированных неоломинаций отражает динамику языкового развития, обновление картины мира, порождающей более актуальную для социума систему новых представлений о мире, коллективного способа восприятия и концептуализации новых фактов современной жизни.

Активное расширение неологического пространства русского языка является результатом когнитивно-дискурсивного освоения действительности. Процесс инновационного знакообозначения познаваемых фрагментов действительности детерминирован действием важнейших механизмов неологизации: когнитивно-деривационного и когнитивно-коммуникативного. Эти механизмы определяют процессы словообразовательной неологизации и неологизации, детерминируемой межкультурной коммуникацией. Названные механизмы выступают основными репрезентантами неологического процесса, который отражает закономерности постоянно происходящих языковых изменений и способствует расширению неологического пространства русского языка, в частности, за счет обновления его доминантных зон.

Итак, включение в орбиту исследования специфики лексического наполнения за счет инновационного знакообозначения и формирования доминантных зон неологического пространства определяет перспективность проведения дальнейших научных изысканий в данном направлении.

Список литературы

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа / В.Г. Костомаров. – М. : Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
2. Левицкий А. Э. Горизонты развития неологии XXI века / А. Э. Левицкий // Горизонты современной лингвистики: традиции и новаторство. – М. : Языки славянских культур, 2009. – С. 350–364.

3. Zhukova J. V. Explication as a way of realization of “digital diplomacy” in a political communication / J.V. Zhukova // 3rd International Conference on Science and Technology Held by SCIEURO in London, 17–18 June 2013. – Printed by Berforts Information Press Ltd., Stevenage, UK, 2013. – P. 278–284.

References

1. Kostomarov V. G. *Jazykovej vkus jepohi: Iz nabljudenij nad rechevoj praktikoj mass-media* [Language taste of the epoch: From observations of speech practice of mass-media]. Moscow, Pedagogika-press publ., 1994, 247 p.

2. Levickij A. Je. *Gorizonty razvitija neologii XXI veka* [The horizons of the neology of the XXI century]. *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: tradicii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: traditions and innovation]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur publ., 2009, pp. 350–364.

3. Zhukova J. V. Explication as a way of realization of “digital diplomacy” in a political communication. 3rd International Conference on Science and Technology Held by SCIEURO in London, 17–18 June 2013. Printed by Berforts Information Press Ltd., Stevenage, UK, 2013, pp. 278–284.